

Повествовательная проза

ИЛЬЯ ПЛЕХАНОВ

Поэт, прозаик

Родился в 1977 году в Красноярске. Долгое время жил за границей. Выпускник факультета экономики и информационных систем Университета Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия). За рубежом основал литературный русскоязычный электронный журнал «Русский анклав». В 2000 году вернулся в Российскую Федерацию. Получил второе образование в МГУ, в Институте стран Азии и Африки. В качестве военного корреспондента работал на территории бывшей Югославии, в Ираке, Киргизии. Главный редактор основанного им в 2000 году литературного электронного альманаха ветеранов последних войн «Искусство войны» (<http://www.navoine.ru>).

Изданы две книги прозы — «За бруствером строк» и «Душа в телогрейке» (2008); сборники стихов «Анатомия ангела» (2002), «Сквозь тишину» (2005). Рассказы, очерки, переводы с английского, японского и сербского (в т. ч. поэтические) регулярно публикуются в сборниках и различных периодических изданиях Москвы: «Братишка», «Солдат удачи», «Литературная Россия», «Бельские просторы», «Независимая газета», «Новая газета» и др.

ВОЕНЛИТ НАШИХ ДНЕЙ

Россия — страна, воюющая постоянно, каждым поколением. Непосредственно участников боевых действий — миллионы, с семьями и близкими — десятки миллионов, и все остальные понимают, что лучше от своего участия когда-либо в боевых действиях не зарекаться. В еженедельных практически никем не читаемых сводках с Кавказа числятся десятки убитых и раненых — в боестолкновениях, при обстрелах, подрывах. За год гибнут сотни и сотни военнослужащих, сотрудников МВД, мирных жителей; гибнут военные журналисты. Страна стыдливо не называет это войной, но люди понимают всё и без юридических терминов. События на Кавказе неразрывно связаны с двумя чеченскими войнами; идущая война сил коалиции в Афганистане напоминает о войне СССР в этой же стране; за событиями на Ближнем Востоке и в Африке следят тысячи бывших советских военных советников и инструкторов. Война — огромная часть нашей жизни. Через войну прошли миллионы сограждан.

«Так сложилось, что последние тридцать лет мы живём под прямым или опосредованным давлением войны. Цинковые гробы Афгана, межнациональные конфликты, Чечня, терроризм... Эти абстрактные слова обретали конкретность, входя в человеческие дома и судьбы. Кроме того, сознание

десятков миллионов людей было потрясено распадом Советского Союза <...>. И разве можно сказать, что эти войны — афганская, обе чеченские — закончились?» — обозначил время войны литературный критик Владимир Олейник в своём выступлении по поводу выхода сборника военной поэзии «Осколки». И это время, этот пласт человеческого опыта не могут не отражаться в художественной литературе.

Тиражи и имена

На книжных полках регулярно появляются новые книги современных военных авторов; тиражами 5–10 тысяч экземпляров выходят переиздания, поэтические сборники; военные писатели осваивают новое направление — аудиокниги; на двух военно-литературных сайтах — «Окопка» (<http://okopka.ru>) и «Art of War» (www.artofwar.ru) — кипит творческая жизнь.

В основном пишут о войне в Афганистане и о двух чеченских войнах. Только из новинок можно отметить книги Равиля Бикбаева «Бригада уходит в горы» и «Как мы победили смерть», книгу мирного грозненца Константина Семёнова «Нас предала Родина», пронзительные произведения «чеченца» Артура Чёрного, переизданную книгу «афганца» Владимира Коротких «Броневержец», «Путеводитель переговорщика. Майор Измайлов, verbatim» Вячеслава Измайлова, получивший некоторую известность «Шалинский рейд» Германа Садулаева. Прекрасный прозаик Артём Шейнин сверкнул новой гранью своего таланта — создал звукопись «Мой Афган — звуки музыки». Помимо уже упомянутого сборника стихотворений «Осколки» из новых поэтов можно назвать Николая Манацкого и Леонида Тереха. Не говоря уже о тех авторах, которые стали современными классиками военлита, — Николае Ермакове, Аркадии Бабченко, Михаиле Евстафьеве.

Нельзя не упомянуть творчество прозаиков: «афганцев» Павла Андреева, Андрея Грешнова, Игоря Фролова; «чеченцев» Алексея Суконкина, Рустема Бизянова, Дениса Бутова; участника «югославских событий» Дмитрия Сухорукова; кроме того — Карена Таривердиева, Рамазанова, Виталия Носкова, Алексея Наумова, Сергея Тютюнника, Валерия Горбана, Вячеслава Немышева. Среди поэтов — Анвара Исмагилова, Андрея Шкарина, Игоря Некрасова, Анатолия Ягодина.

Почему не слышно?

Но знает ли об этом общество? Очень часто в наше время можно услышать сетования, что нет в России военной прозы, что нет никого, кто стал бы Толстым и Лермонтовым чеченских войн, что ничего не написано в художественной литературе серьёзного о войне в Афганистане. Зато

на книжных развалах можно найти и прочитать либо низкопробный боевик про супергероев, либо официальную пафосную пропаганду.

Военные повести, рассказы и поэзия не на слуху. О новинках военной литературы не прочитаешь в популярных газетах и журналах, о текстах не пишут литературные критики, не услышишь дебаты, не увидишь рекламу новых произведений, не прочтёшь интервью с авторами. Современная военная литература находится вне так называемого литературного процесса. Как будто бы нет военных писателей, нет этого бурлящего, развивающегося ежедневно пласта литературы. Почему же так мало произведений о нашей афганской или чеченской войне нашли отклик у читателей?

Причин я вижу три. Первая — политическая. Военная литература стала заложницей того, что война — это всегда политика, а наше общество политизировано до крайности. В текстах о войне литература для массового читателя и для критика уходит на второй план, текст воспринимается только через призму враждующих сторон. Есть ли «плохие федералы» или «злые чечены»? «За кого» автор? Раскрыта ли патриотическая тема или достаточно ли раскритикована преступная власть? Идеологическая составляющая мешает трезво подойти к тексту, выйти за пределы общественной раздробленности, разобщённости, из круга неприязни и ненависти, уйти от привычки развешивать ярлыки. Современная «лейтенантская проза» не устраивает ни власть, ни «государственников», ни «либералов», ни оппозицию. Правда, и суть войны не укладывается в шаблоны каждой из сторон, поэтому о книгах предпочитают молчать. О военнолитературных текстах не судят по таланту, не хотят и представить, что он есть, и даже вроде как независимые литературные критики чураются читать новинки, чтобы не втянуться в бесконечные политические споры и не быть записанными в тот или иной политический лагерь.

Вторая причина — чаще всего обозначаемая упрёками современной военной литературе со стороны профессиональных критиков — это её личностный, мемуарный характер, отсутствие надличностной идеи и сомнительная художественная природа. Если последние претензии можно списать на недостаточно близкое знакомство с текстами, то первое объясняется проще. Недаром в литературной среде в последнее время ломают много копий вокруг «нового реализма». Людям как воздуха не хватает настоящих характеров, читатель устал от выдуманных миров, от бесконечных пустых сюжетов ни о чём. Нашему обществу не хватает живых авторов, а не созданных образов. Личностный характер текстов — это огромный плюс военной литературы. Только она возвращает нас к жизни. От хаоса идей, суеты, борьбы за благополучие, от теней прошлого и фантазий о будущем она возвращает нас к истокам — что есть Человек? Потерянный, одинокий, преданный, оставленный наконец-то наедине с собой, наедине с настоящей жизнью и смертью. Эти вопросы в ускоряющейся круговерти нашего бытия мы задаём себе всё чаще.

Эрнест Хемингуэй писал: «Война — одна из самых важных тем, и притом такая, когда труднее всего писать правдиво. Писатели, не видевшие войны, из зависти стараются убедить и себя и других, что тема эта незначительная, или противоестественная, или нездоровая, тогда как на самом деле им просто не пришлось испытать того, что ничем заменить нельзя». Практически вся наша военная литература — это очевидный пример личного подхода, реализма и невыдуманности. И это является одной из причин, по которым опять же военную литературу исключают из информационного поля. Потому что эти реальные люди, увидевшие жизнь, мир, страну, владеющие слогом, пережившие и пропустившие через себя войну, пишущие на неприятные для отвлечённого сознания темы, поднимающие вопросы жизни и смерти... — просто пугают своей неприкрашенной правдой, своим реализмом. Пугают тем, что это не просто привычная для многих игра слов и отвлечённых смыслов, а плоть и кровь жизни. Это остро чувствует читатель, и по растущим тиражам хорошо видно, что несмотря на молчание критиков, тексты востребованы как никогда.

Третья причина — монополизация издательской деятельности. Большинство художественных военных книг в России выходит в серии «Локальные войны» (Афганистан и Чечня) издательства «Эксмо», и это сыграло злую шутку с военной литературой в России. Начав за здравие с публикаций высококлассных произведений и достигнув суммарных тиражей и переизданий под 10 тысяч экземпляров, «Эксмо» начало гнаться за количеством. Высокая литература в военной серии стала теряться среди массы издаваемых под такой же обложкой дешёвых детективов и боевиков. Уже чуть ли не через год процент «воды» стал зашкаливать, и для серьёзных читателей военная серия была дискредитирована. Вдобавок к этому, увидев результат в виде денег, «Эксмо» не пошло по пути популяризации военной литературы и продвижения авторов. Дела шли хорошо и так. С одной стороны, нельзя не воздать должное серии, без неё читатель мог бы вообще никогда не увидеть большинство текстов. С другой — созданный имидж «дешёвых боевичков» на многие годы осложнил продвижение военных текстов в информационное литературное поле и лишил авторов доступа в окололитературные СМИ, вывел их произведения из активного обсуждения в обществе и свёл на нет серьёзное отношение к современной российской военной литературе.

Так или иначе, несмотря на все формальные трудности официального распространения, военлит никуда не делся.

Реабилитация или профессионализм?

Что касается социально-реабилитационного смысла, то он, несомненно, нужен для самих пишущих и читающих ветеранов. Но во-первых, круг читателей гораздо более широк, и во-вторых, сами авторы помимо творческой реабилитации входят во вкус литературного процесса и зача-

стую начинают преследовать сугубо художественные цели, стараются стать — и становятся профессиональными литераторами.

В военной литературе давно уже происходят процессы, связанные с отходом от чисто реабилитационного содержания. Выкристаллизовывается именно литературная составляющая. Всё это происходит на наших глазах, и чертовски интересно видеть происходящее. Авторы-ветераны уже не просто выплёскивают свою память, люди профессионально занимаются именно литературой. На моих глазах за 5–10 лет авторы проходили путь от мемуаристики до высокого художественного уровня. Есть что читать.

Одно дело — вливаться в литературу, другое дело — вливаться в старые мехи в виде устоявшейся литературной номенклатуры. Что разительно отличает военных авторов, так именно желание жить полноценной жизнью, желание писать без оглядки на формальные административные признаки причастности к званию «литератор». Живое слово становится литературой. Уже стало. Другое дело, что об этом не знают в «литературном сообществе». Но главное — об этом знают читатели. Я бы не стал недооценивать аудиторию. Читатель у нас — жадный до знаний, до реализма жизни; «далёким от военной темы» я бы его уж точно не назвал.

В чём суть?

Войны локальные породили совершенно новое явление — полную брошенность солдата всеми и вся: предательство солдата своей страной, командованием, сослуживцами, мирными жителями; отсутствие тыла и каких-либо систем координат (моральных, нравственных...) — и, в конце концов, бессмысленность боевых действий. Нечто вроде полугражданской войны — без чёткого противника, без чётких целей. Изменился образ ведения войны, появились новые реалии жизни, и они, естественно, находят отражение и в новом слове. Особо хорошо это видно на примере англоязычной литературы, где военная тема не замалчивается, где война во Вьетнаме и текущие боевые действия в Ираке и Афганистане породили новое литературное течение — современную военную прозу, многие произведения которой стали мировой общелитературной классикой. У нас этого так и не произошло.

Война — это в первую очередь жизнь без всяких прикрас, это самая суть жизни и смерти. Полное отсутствие лжи. И в этом плане война — квинтэссенция всей нашей жизни. Военная литература скажет обо всех аспектах жизни человека. Выстрел — это последний повод, а не причина. Но не обязательно доходить до самого края. Война есть до выстрела, во время выстрела — и навсегда останется после. Она существует вне зависимости от человека. Поэтому в любой самой простой, обычной жизни самого простого человека война присутствует в той или иной форме и степени. Увидеть и понять, пережить, осмыслить — задачи военной литературы, которая

наиболее прямо, эффективно и честно даёт шанс каждому читателю. И что самое интересное — военная литература несёт в себе великое очищение души. Самые лиричные и самые трагичные истории о любви и об одиночестве я читал только у военных писателей. Самые трогательные обращения к природе, самые проникновенные религиозные тексты — тоже у воевавших. Для многих военная тема становится последним оплотом честности и даже добра в нашем мире.

Острота, конкретность, искренность военной прозы — вот отличительная её черта. А ведь русская литература славна именно реализмом. Ф.М. Достоевский писал, что смысл творчества, писательства — найти в человеке человека: «Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление моё истекает из глубины христианского духа народного) <...>. Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой...» А по Н.Н. Страхову, коренная черта русской литературы в том, что «... мы, очевидно, можем быть удовлетворены только совершенною правдою и простотою как в жизни, так и в художественных произведениях».

Что же в жизни человека не оставляет места лжи в душе, что вернее всего оголяет суть каждого и приближает нас к пониманию себя и мира? Несколько вещей, и война — наверное, основная.

В военной литературе можно найти героев и живые цельные характеры, увидеть предельные по высоте и низости поступки и решения, на чистую воду выходят души, решаются перед лицом смерти самые главные проблемы человека — и в то же время самые актуальные и насущные. Этот пласт литературы оказался единственным, который задевает и поражает своей правдой. Здесь нет мёртвых, здесь все живые, несмотря на свою гибель в мире. Это единственная честная литература.

Да, есть некая общая усталость от нашего хаотичного времени, от сумятицы и суеты, от вечного выживания сугубо хлеба ради, от бесконечного пошлого шоу тысячи мелких трупов на сцене российской жизни. С другой стороны, неприятие тотальной пошлости вызывает в человеке сопротивление, внутренние военные действия души против мира. Всё экстраполируется на литературу, и военная тематика возвращает авторов к основам человеческого бытия, к личности, к вопросам жизни и смерти, которые решаются здесь и сейчас. Я бы сказал, что у авторов есть нехватка, тоска по реализму в жизни и творчестве; всё слишком расплывчато и может быть трактовано как угодно в окружающем мире, а вот реальнее войны нет ничего.

А ведь военная литература — это ещё и литература ответственности, принятия решений. В ней важны даже не образы героев, а тот факт, что они находятся в таких условиях, из которых им просто так не выйти — нельзя просто плюнуть на всё и уйти с войны. Отсюда возникают замкнутые насыщенные пространство и время. И в этот небольшой отрезок

времени и на маленьком пространстве человек находится под постоянной угрозой смерти или опасности для здоровья и должен решать все основные проблемы человеческого бытия. Вот откуда растёт тот реализм, который на сто процентов не фальшивка. И это военная литература научилась передавать. Этого людям очень не хватает.

Как у них?

Банальный поиск в Интернете американских или английских книг о современных войнах выдаёт тысячи наименований — от Кореи и Никарагуа до Сомали и нынешнего Ирака. Только вьетнамская война дала минимум два десятка произведений, считающихся в США литературной классикой. Сколько классических произведений мы знаем о нашей афганской или чеченской войнах? В США у ветеранов и, что самое главное, у действующих военнослужащих есть возможность активно публиковаться, а издательства готовы вкладываться в «раскрутку» и пиар военных произведений. Мало того, понимая важность художественного изображения войны, государство организывает хорошо оплачиваемые визиты ведущих писателей в зону боевых действий, а также мастер-классы. Мэтры проводят специальные курсы писательского мастерства для рядовых солдат в Афганистане и Ираке. Военная периодика активно публикует художественные произведения.

В России издаётся всего несколько военных журналов: «Искусство войны», «Братишка», «Солдаты России», «Офицеры», «Военный парад», «Боевое братство», — а также с десяток недоступных общественности ведомственных журналов и газет: «Красная звезда», «Независимое военное обозрение» и др. В США дела обстоят куда лучше. Например, в настоящее время там выходит более 1400 периодических военных изданий, в том числе около 400 журналов и свыше 1000 газет с разовым тиражом более 12 миллионов экземпляров. Министерство обороны США издаёт в основном для внутреннего пользования всего 22 журнала, наиболее известным из которых является издание Управления по связям с общественностью МО США «Commander's Digest». Министерства видов вооружённых сил издают соответственно: сухопутных войск — 13, ВВС — 38 и ВМС — 27 журналов. Крупнейшие из них — журналы «Soldiers» (сухопутные войска), «Airman» (ВВС) и «All Hands» (ВМС); тираж каждого издания свыше 100 000 экземпляров, то есть подавляющее большинство периодики доступно для обывателя. Военная тема постоянно поднимается во всех ведущих неспециализированных СМИ, почти каждое из них имеет своего военного корреспондента, который прикрепляется к воюющим подразделениям на продолжительное время,

ведёт репортажи чуть ли не в режиме реального времени и публикует различные эссе и очерки. Таким образом, достигается широкое и своевременное освещение происходящего в армии, на войне. Страна знает своих героев, страна работает над имиджем своих вооружённых сил, критикует проблемы и восторгается героизмом, проводит параллели с участниками Второй мировой. В США, в отличие от нашей страны, нет такого отрыва одного воюющего поколения от другого. Есть преемственность.

Что происходит?

Быть может, нашему военлиту пока не хватает инициативности, настойчивости и пробивной способности на книжном рынке? Быть может, проблема в том, что не находится такой структуры, которая начнёт его продвигать и «вбивать» в сознание читателя? Возможно. Но время не стоит на месте, работа Слова идёт, сдвигается камень души, зёрна дают всходы, пробиваются через муть и накипь. Люди читают современную военную литературу в Интернете, скачивают, распечатывают, сами сшивают в бумажные журналы, книги, брошюры, несут своим близким, дают читать детям, носят в госпитали и воинские части, читают вслух семьям. Военная литература иногда парадоксальным образом напоминает «самиздат» советских времён. Сейчас вроде бы можно найти и прочитать что угодно. Но нет: как и раньше, за внешним однообразием официоза или за внешним липовым многообразием — пустота, и приходится самому искать живой родник.

Российская современная литература за небольшим исключением находится на задворках мировой литературы, она мало кому интересна в мире, и её читают лишь такие же «свои», знакомые узкие литературные круги. Но к российской современной военной литературе у зарубежных читателей интерес есть. Это связано, безусловно, с войнами, идущими в Ираке и Афганистане. Миру интересно, как наши недавние войны отразились в литературе, какие вопросы поднимались, как раскрывалась тема. Военная литература может вытянуть и другие направления, пробудить интерес в мире к русской литературе и культуре в целом.

Время всё расставит на свои места, сметёт литературную шелуху, и наши потомки будут читать военных авторов нашего времени и пытаться понять, какими мы были, чем жили, через что прошли... — узнавать это они будут по произведениям именно военной литературы, по текстам бесконечно воюющей страны, как это уже когда-то было с «лейтенантской прозой» Великой Отечественной.